

4532

W 79
224.

96
К. И. В. 79
224

ИСТОРИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

О КИРГИЗЪ-КАЙСАНАХЪ И СНОШЕНІЯХЪ РОССІИ СЪ СРЕДНЕЮ АЗІЕЮ
СО ВРЕМЕНИ КОНЧИНЫ АБУЛЬ-ХАЙРЪ ХАНА (1748—1765 Г.).

СОЧИНЕНІЕ

В. В. Вельяминова-Зернова,

Дѣйствительнаго члена ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Гео-
графическаго Общества.

ТОМЪ 2.

ТЕТРАДЬ 1-Я.

Уд.

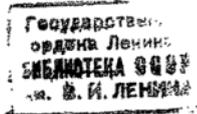
ВЪ ГУБЕРНСКОМЪ ТИПОГРАФИИ.

1855.

9/16

Перепечатано из Оренбургских Губернских

Вѣдомостей.

31421-73

Пока Аблай и преданные ему Кайсаки, заботясь о своемъ благосостояніи, прибѣгали къ покровительству Оренбургскаго Начальства, Малая Орда, находясь въ безопасности отъ притязаній вѣшнихъ враговъ, шланымъ путемъ, и Киргизы ея, въ особенности дальніе, пренебрегая внушеніями Правительства, предавались грабежу и разбою.—Ханъ и Султаны не всегда имѣли довольно силы удержать подданныхъ, и увѣщанія ихъ оставались верѣдко тщетными.

Хищничества въ степи начались по весьма незначительной причинѣ. Осенью 1763 г., кочевавшіе около Хивы, Ямудскіе Трухмены и съ ними Хивинскіе Узбеки, мстя за то, что Дурткарицы не задолго предъ тѣмъ разграбили Хивинскіе и Трухменскіе караваны, отогнали у Чумекеевца Алучи Аллаара, у сына нѣкоего Худай-Бія, — Кожжулака, и у другихъ Чумекеевцевъ и Чиклянцевъ, до 10,000 лошадей, ходившихъ по Кувану, Яны и другимъ степнымъ рѣчкамъ. Нѣсколько человекъ бросились было въ слѣдъ за грабителями, но, не отыскавъ ихъ, возвратились. Тогда выѣхалъ самъ Аллааръ съ дѣть-

ми своими люди его встрѣтили на той сторонѣ Сыръ-Дарьи, по рѣкѣ Куванъ, въ урочищѣ Бурлы-Башъ, караванъ разграбили его, однако хозяевъ не взяли въ плѣнъ, отпустили обратно въ Бухару.

Къ несчастію, этимъ грабежи прекратились. Лѣтомъ 1764 г. Аллааръ взялся препроводить изъ Бухары въ Оренбургъ одинъ караванъ изъ 200 верблюдовъ, слѣдовавшій при Караванъ-Башѣ Нигмет-Джанѣ. Выведа его изъ своихъ улусовъ, Аллааръ, съ братьями и племянниками, при 130 человекѣхъ Чумекеевцевъ и Дюрткаринцевъ, разграбилъ его не въ далека отъ Орской крѣпости при горѣ Карачатау (рапортъ Полковника Корфа 29 Іюля 1764 года). Хищники раздѣлили между собою верблюдовъ и лошадей, однако хозяевамъ не причинили ни какого вреда, и отправили ихъ назадъ въ Бухару, давъ на каждыйхъ двухъ человекѣхъ по одному верблюду (*).

Вѣсть объ этомъ буйствѣ не замедлила дойти до Оренбурга; ее привезъ въ Іюнь 1764 года, Гуляевъ, вѣзвшій къ Иралію (**) съ Высочайшею грамотою, и съ пись-

(*) Показаніе участвовавшаго въ грабѣжъ Менглибека. Этотъ Менглибекъ былъ родомъ изъ нижнихъ Каракалпаковъ, кочевавшихъ около Хивы; лѣтъ за шестнадцать предъ этимъ, при разграбленіи Киргизами Каракалпакъ, онъ попалъ въ плѣнъ въ Малую Оуду въ Чумекеевскій родъ, и сначала находился тутъ въ услуженіи у одного Киргиза, а по томъ «пришедъ въ состояніе самъ собою» остался кочевать въ его улусѣ.

(**) Ирали только что получилъ новый знакъ милости Царской: Указомъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, отъ 29 Февраля 1764 года, велѣно ему было, согласно съ представленіемъ бывшаго Губернатора Волкова, выдавать по 350 руб. въ годъ.

момъ отъ Вице-Канцлера Князя А. М. Голицына. Вместе съ тѣмъ Гуляевъ объявлялъ, что другой Бухарскій караванъ Ирназара Максютова (изъ 350 верблюдовъ), гдѣ находились и вещи, закупленныя Ирназаромъ для Императорскаго Двора, удержанъ по входѣ въ Чумекеевскій родъ, вожаками его, дѣтьми Худай-Бія (Туркабиемъ, Кожкулакомъ и Юмартъ Мурзою), изъ опасенія Аллаара, который будто бы рѣшился напасть на него, и подговаривалъ къ тому же Батырь-Султана, Чккльицевъ и Дюрткаринцевъ.

По полученіи такихъ извѣстій, Лачиновъ отправилъ тотчасъ же къ Нуралію, Дусталію и Иралію нарочнаго и на основаніи даннаго Ханомъ въ прошломъ 1763 году «кондиціального обязательства» требовалъ немедленнаго возвращенія Бухарцамъ разграбленныхъ товаровъ, и просилъ Хана и обоихъ Султановъ препроводить въ цѣлости караванъ Максютова къ линіи. Въ продолженіе нѣкотораго времени неоднократно повторяемыя общанія Иралія и Дусталія, казалось, служили вѣрнымъ ручательствомъ въ безопасномъ проѣздѣ купцевъ въ Оренбургъ; обстоятельства же доказали протѣвное. Вдругъ 2 Августа 1765 года пришло письмо отъ Иралія, гдѣ Султанъ съ грустію объявлялъ, что, не смотря на все старанія, онъ не могъ помѣшать Кайсакамъ разграбить Ирназара. Ирали оправдывалъ себя тѣмъ, что, кочуя всего на разстояніи однихъ сутокъ отъ того мѣста, гдѣ стояли Бухарцы, онъ посылалъ туда людей своихъ и убѣждалъ Кай-

»саковъ не причинять вреда каравану. «Киргизы, писалъ онъ, по свойственному имъ лицемерию, каждый разъ отвѣчали мнѣ, что они не замедлятъ препроводить купцовъ въ мои улусы, откуда, говорили они, Вамъ самимъ уже можно будетъ доставить ихъ въ Оренбургъ. Обманывая меня ложными увѣреніями, они ограбили купцовъ. «Теперь, продолжалъ Султанъ, остается мнѣ только въ доказательство невинности моей предложить Начальству услуги для взыскаія съ Киргизовъ похищеннаго товара.» Съ такимъ же прискорбіемъ писалъ 7 Августа 1764 года къ Лачинову Дустали-Султанъ, изъявляя съ своей стороны готовность содѣйствовать наказанію виновныхъ (*).

Обстоятельства грабежа были слѣдующія: купцы, какъ мы сказали, шли за препровожденіемъ дѣтей Худай-Бія и оставились въ его улусѣ. Здѣсь сыновья Худай-Бія, Мамбетъ и Дувана поссорились между собою за плату, слѣдовавшую имъ съ Бухарцевъ, наконецъ, по неависти другъ къ другу, рѣшились разграбить караванъ, и тайкомъ послали звать къ себѣ на помощь Дюрткаривцевъ, Чумекеевцевъ и Алучи-Аллаяра. Аллаяръ съ робостью принялъ приглашеніе ихъ, тѣмъ болѣе, что онъ еще прежде не только подговаривалъ, но даже подкупалъ

(*) При этомъ случаѣ Дустали, основываясь на томъ, что Волковъ снабжалъ его прошлою зимою хлѣбомъ, просилъ о томъ же сэмпѣ и Лачинова. Въ просьбѣ этой было отказано, потому что Дустали получилъ уже денежное жалованье.

ихъ къ тому же. По данному слову, дѣти Худая подняли караванъ и шли съ нимъ день и ночь, пока не достигли рѣки Камышаклы (письмо Ираля 2 Августа 1764 года). Тутъ въ 6 дняхъ ѣзды отъ улуса Худай-Бія, и въ 2 только дняхъ отъ Орской крѣпости хищники разбили караванъ и раздѣлили его между собою (Показаніе Менглибека). Въ числѣ товара находились и вещи Хивинскаго посланника Исхака, Армянина Ивана Захарова (прикащика С. Петербургскаго мѣщанина Иванова), Армянина же Артемова (*), мѣщанина Филиппа Григорьева и Сеитовскаго Татарина Улея (**).

(*) Артемовъ былъ родомъ изъ Персін, но жилъ и торговалъ въ Бухарѣ, и наконецъ рѣшился выѣхать навсегда со всѣмъ имуществомъ въ Россію, Онъ говорилъ, что его побудилъ къ этому дошедшій до него слухъ о двухъ Высочайшихъ Манифестахъ 1762 и 1763 г., которыми объявлено было, что всѣмъ иностранцамъ, которые придутъ на поселеніе въ Россію, будетъ оказана помощь: склоннымъ къ хлѣбопашеству, или къ заведенію фабрикъ, мануфактуръ и заводовъ, не только будетъ отведено достаточное число выгодныхъ къ сему земель, но будетъ доставлено и всякаго рода пособіе «по хлѣбъ состоянія каждаго» соразмѣрно съ пользою вновь заводимыхъ фабрикъ и заводовъ, въ особенности же такихъ, которыхъ до тѣхъ поръ въ Россіи еще не существовало; кромѣ того для постройки домовъ, на обзаведеніе скота, на потребные къ хлѣбопашеству и къ рукодѣлю инструменты и матеріалы, выдано будетъ изъ казны Ея Величества нужное число денегъ, безъ всякихъ процентовъ, но только съ уплатою одного капитала, и то по прошествіи 10 лѣтъ въ три года, по равнымъ частямъ (прошеніе Артемова на Высочайше Ими 23 Маѣ 1765 года).

(**) Товаръ этотъ былъ высланъ ему сэмпѣмъ его, который отправился къ Хиву въ 1753 г. съ Гузевымъ и Чучаловымъ, и не могъ выѣхать еще оттуда, ожидая все уплаты за вещи, отобранныя у него Кам-

Свѣдавъ о новомъ дерзкомъ грабежѣ, Лачиновъ убѣдился въ томъ, какъ мало заслуживаютъ довѣрія и Ханъ, и Султаны, и какъ трудно въ чемъ либо полагаться на ихъ увѣренія. Онъ самъ зналъ, что при предстоящемъ сборѣ пограбленнаго, ему нельзя вполнѣ ручаться за ихъ содѣйствіе; не смотря на то, онъ снова обратился къ нимъ, говоря, что не имѣетъ разрѣшенія, которое бы уполномочивало его поступать съ Киргизами «яко съ злодѣями». На первый случай Переводчикъ Гуляевъ отправленъ былъ съ укоризненнымъ письмомъ къ Иралию просить Султана съѣздить вмѣстѣ съ нимъ въ улусы грабителей, внушить имъ противозаконность ихъ поступка, и потребовать удовлетворенія купцамъ (донесеніе Лачинова въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ 3 Августа 1764 года). Между тѣмъ, Ириазаръ и другіе Бухарцы, еще до полученія извѣстія о грабежѣ, просили Лачинова задержать для предосторожности 5 или 6 Киргизовъ изъ числа Ордынцевъ, прѣзжавшихъ для торгова. Просьба эта была тѣмъ болѣе справедлива, что баранта разрѣшена была двумя указами Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ отъ 24 Ноября 1749 года и 25 Мая 1759 года, но Лачиновъ не разсудилъ прибѣгнуть къ ней: сперва онъ медлилъ, вѣра обшаніямъ Султановъ, потомъ, когда узналъ, что караванъ Ириазара разбитъ, онъ рѣшился ждать возвращенія Гуляева, боясь, что бы Киргизы, свѣдавъ о задержаніи на линіи единоплемениковъ, не захватили изъ мести нашего посланнаго, и не причинили ему вреда.

Въ Августѣ Лачиновъ (который правилъ Оренбургскимъ краемъ только временно, бывъ на самомъ дѣлѣ Губернаторомъ Воронежскимъ) отправился въ Воронежъ; мѣсто его заступилъ на время Генералъ-Маіоръ и Оренбургскій Коммендантъ Лановъ. — Новый начальникъ края принялъ другую систему дѣйствій и рѣшился строгими мѣрами принудить Киргизовъ къ удовлетворенію купцовъ: по первой же просьбѣ Ириазара и прочіихъ Бухарцевъ, приказавъ (24 Августа) выслать изъ Оренбурга команду, которая вблизи мѣноваго двора захватила ѣхавшихъ на торговъ двухъ человекъ Чумекеевцевъ Менглибека и Мурзу Бергана (*), и одного Чяклинда, вѣдомства Канъ Хана, Дулата (**). Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ, указомъ 2 Сентября 1764 года, предписавъ Командиру Уйской Нижней дистанціи, Полковнику Воейкову, задержать въ Троицкѣ, по указанію, четырехъ Бухарцевъ, нарочно къ нему посланныхъ, 5 или 6 человекъ Чумекеевцевъ и Дюртъ-

(*) Онъ былъ родомъ изъ нижнихъ Каракалпакъ, называемыхъ Курратскими и кочевавшихъ по Куванъ-Дарѣ: дѣтъ 14 тому назадъ, при нападеніи на нихъ Киргизовъ Средней Орды Канджаслы-Аргынского рода, онъ былъ захваченъ ими въ плѣнъ въ ихъ улусы, гдѣ жилъ въ первое время въ услуженіи у одного Киргиза: года чрезъ 4 отецъ его, свѣдавъ о немъ, перекочевалъ въ Ордъ, выкупилъ сына изъ плѣна и поселился вмѣстѣ съ нимъ въ Чумекеевскомъ родѣ.

(**) Мурза Берганъ и Дулатъ, какъ не участвовавшіе въ грабежѣ, были отпущены 17 Сентября, по просьбѣ самого же Ириазара, обратно въ степь, а Менглибекъ, содержавшійся въ острогѣ, взятъ былъ на поруки жившимъ въ аманатахъ, сыномъ Ирали Хана, Берди-али-Султаномъ 10 Декабря 1764 года.

кариандевъ. Предписаніе это было исполнено и пять человекъ Киргизовъ изъ преступныхъ родовъ были зазвачены на торгъ и посажены подъ крѣпкій караулъ съ производствомъ каждому кормовыхъ денегъ по 2 коп. въ сутки. Независимо отъ этого, Лановъ принялъ еще одну мѣру, необходимую по тогдашнимъ обстоятельствамъ. Нужно знать, что хщники успѣли вымѣнять ограбленный товаръ на лошадей и другія вещи у прѣзжавшихъ въ узусы ихъ Киргизовъ съ низу Чиклинецъ и другихъ, а съ верху отъ Троицкой крѣпости Джагалбайлинцевъ, Тляувцевъ и Аргынцевъ,«. Эти въ свою очередь повезли его въ Троицкъ и продали тамъ; такъ что самый товаръ началъ уже расходиться по рукамъ нашихъ же купцовъ (показ. Менглибека). Принявъ это въ соображеніе, Лановъ предписалъ Директору Таможни Тимашеву (2 Сентября 1764 года) обязать торговавшихъ на мѣновомъ дворѣ русскихъ купцовъ подписками, чтобъ изъ нихъ ни кто не смѣлъ покупать впредь до резолюціи у Киргизовъ ни пряденой хлопчатой бумаги, ни сырца, ни камня лапись-лазури. У кого вещи эти уже были въ вымѣнѣ, тотъ въ этотъ же день долженъ былъ представить ихъ всѣ при объявленіи своемъ къ спуску съ мѣноваго двора въ Таможню или въ пакгаузъ, иначе онъ подвергался всей строгости наказаній.

Вслѣдъ за тѣмъ 17 Сентября 1764 г. возвратился изъ Орды Гуляевъ. Успѣхъ его порученія былъ не значителенъ. Ирали, какъ показалъ Гуляевъ, на другой

день послѣ его прѣзда созвалъ къ себѣ Старшинъ, и совѣтовался съ ними о возвращеніи похищеннаго; за тѣмъ, съ общаго согласія, отправились они въ узусы виновныхъ. Ирали взялъ съ собою и нашего посланнаго; долго угваривали они Киргизовъ; наконецъ убѣдили ихъ въ необходимости вознаградить купцовъ и заставили дать «по ихъ обыкновенію» обязательство. На этотъ разъ прѣхалъ къ Ирали Назаръ Хоржа—посланецъ отъ Бухарскаго Хана Абулгазья. Абулгазья въ письмѣ на имя Султана просилъ уведомлять его, по какой причинѣ Киргизы ограбили подданныхъ его; сдѣлали ли они это съ общаго согласія съ Ханомъ и Султанами, или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ, говорилъ Эмиръ, Кайсаканъ не чего опасаться и они могутъ продолжать ѣздить на торгъ въ Бухару, въ полной увѣренности, что ихъ ни притѣснятъ, ни задерживать не будутъ. Съ полученія этого письма Ирали сталъ еще съ большимъ рвеніемъ принуждать Киргизовъ къ уплатѣ пограбленнаго: при Гуляевѣ не много товара было уже отдано Бухарцамъ, что заставило Ходжа-Назара остаться въ степи до глубокой осени. Вотъ все, чего могъ добиться Ирали отъ Киргизовъ; понимая характеръ и расположеніе народа своего, онъ зналъ, что еще не скоро удастся ему вполне удовлетворить за грабежъ, и по этому счелъ бесполезнымъ держать у себя Гуляева, а отпустилъ его въ Оренбургъ (*)

(*) Гуляева сопровождали въ степи Орскіе казаки. По возвращеніи

сь письмомъ, гдѣ снова оправдывалъ себя въ грабежѣ и слагалъ всю вину на непослушаніе Киргизовъ (показаніе Гуляева 17 Сентября 1764 года).

Такой медленный ходъ дѣла не соответствовалъ мысли Л. нова. Видя изъ письма Султана и изъ словъ Гуляева, что нѣтъ надежды на скорое вознагражденіе кушмовъ, онъ рѣшился продолжать начатое, т. е. дѣйствовать строгостію; задержанныхъ Киргизовъ онъ запретилъ выпускать, уведомивъ объ этомъ Царя (23 Сентября), а указомъ 25 Сентября 1764 года, приказалъ Врейкову свозить въ ножныя желѣза захваченныхъ въ Троицкѣ пятерыхъ Кайсаковъ и доставить ихъ за крѣпкимъ карауломъ по линіи въ Оренбургъ.—Однако и эта строгость не принесла ожидаемой пользы. Дальше Кир-

оттуда онъ просилъ себя добавочнаго жалованья за время пребыванія въ степи. Оно ему было выдано, по расчету за 560 верстъ, согласно съ указомъ изъ Сената, отъ 30 Октября 1758 года, которымъ предписывалось: Казакамъ, состоявшимъ на здѣшней линіи въ крѣпостяхъ, во вѣрнаніе къ незначительности получаемого ими жалованья, за время, когда они будутъ командированы отъ доходовъ своихъ въ дальній мѣсто, не ближе 160 верстъ, сначала поступленія ихъ, но то число какъ они вѣрнутся въ дома, къ получасному или жалованью «подавать за то пробѣжъ Дюкскій и Ящилъ казачовъ». Донскимъ же и Ящилъ казачовъ по апробованью окладать, какъ это видно въ экстрактѣ, присланномъ при указѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, отъ 20 Ноября 1755 года, гдѣ въ бытность ихъ въ командировкахъ на здѣшней линіи, жалованье производить: рядовымъ казакамъ по 12 рубъ въ годъ изъ доходовъ «подлежащихъ до Статсъ-Контормъ».

гизы, вмѣсто того, что бы смириться, вздумали въ началѣ 1765 года метнѣ за задержаніе своихъ единоплемениковъ и пренятствуя провѣзду каравановъ по степи, вредитъ Оренбургскому торгу. Одинъ Ургенчскій караванъ, при которомъ находилось нѣсколько Бухарцевъ, везшихъ для Двора Ея Императорскаго Величества 147½ пудовъ лависъ-лазури, дошелъ уже до урочища Секизбай. Тутъ наѣхало человекъ 60 Киргизовъ Чиклинскаго рода и 30 Дюрткаринскаго. Вожакими при караванѣ были то же Чиклинцы и Дюрткаринцы, но ихъ было только 32 человекъ. Хищники обратились къ своимъ сродичамъ съ просьбою выдачи каравана, въ противномъ случаѣ грозилъ взять его силою; когда же узнали они, что въ немъ наводятся и Бухарцы, то стали требовать выдачи ихъ, потому что, говорили они, пятеро нашихъ Кайсаковъ задержаны изъ за нихъ въ Оренбургѣ. «Если вы не отдадите ихъ по доброй волѣ, то мы станемъ биться съ вами.» Положеніе вожаковъ было затруднительное: «если мы уступимъ вамъ караванъ, отвѣчали они, то сдѣлаемся врагами Ургенчцамъ, Бухарцамъ и Русскимъ; если же нѣтъ, то должны вступить съ вами въ непріязнь. Повремените не много, мы соберемъ Старшинъ и посоветуемся съ ними; что они скажутъ, то мы и сдѣлаемъ.» Противная сторона рѣшилась ждать. Между тѣмъ Сикизбайцы и Кудашцы предостерегли Бухарцевъ и внушили имъ, что Кайсаки люди не добрые, и что имъ въ какомъ случаѣ вѣрять имъ нельзя. Встревоженные

Бухарцы оставили лапись-лазури под закладъ одному Трукмену, которому приказали провезти его въ Оренбургъ, а сами, нанявъ двухъ Киргизовъ, тайкомъ ѣзжали и прибыли въ Ченгкляе (письмо къ Иразазу отъ Молла-Ханъ-Мухаммеда и Руза-Мухаммеда, приложенное къ указу Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ 4 Іюля 1765 года). Подобнаго рода извѣстія, неприятныя для Правительства, заставили его еще болѣе держаться баранчи, какъ вѣрнаго средства для усмиренія Кайсаковъ. Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ указомъ, отъ 4 Іюля 1765 года, предписала не выпускать захваченныхъ Ордынцевъ, пока не поступитъ въсѣмъ полнаго удовлетворенія за грабежи 1764 года; не смотря на то, Киргизы медлили улавою; затрудненія умножались съ каждымъ днемъ, и только по прошествіи двухъ лѣтъ Начальство заключило это дѣло, и то не успѣвъ взыскаъ всего должнаго съ виновныхъ.

При этомъ случаѣ пострадали не столько Бухарцы, сколько наши купцы. Объяснимъ это, представивъ особо за оба года всѣ обстоятельства, служившія во вредъ, или въ пользу тѣмъ, или другимъ. Начнемъ съ Бухарцевъ: съ перваго раза объ нихъ принялись заботиться два Правительства: Русское и Бухарское, такъ какъ Эмиръ тоже задержалъ нѣсколькихъ Киргизъ. Сверхъ того многіе Бухарцы жили въ улусахъ грабителей, и сами настаивали о должномъ удовлетвореніи. Въ слѣдствіе сего уже на второй годъ Эмиръ писалъ къ своимъ подданнымъ въ Оренбургъ, чтобы они ѣхали къ нему за полученіемъ

товара, который возвращаютъ Ордынцы. Извѣстіе это оправдывалось на самомъ дѣлѣ: 19 Сентября 1765 года, товарищъ Иразаза, Караванъ-Башъ Хаджи-Курбанъ-Базаровъ, отъ имени соотечественниковъ своихъ, доносилъ новому Губернатору, Князю Путятину, что Киргизцы, сознавъ вину свою, пріѣзжали въ Бухару и согласились сперва внести за пограбленное 70,000 червонцевъ, а потомъ Ирали Султанъ обязался уплатить за каждый верблюжій тюкъ по 100 червонцевъ, а за всякаго верблюда по 30 барановъ, однако съ тѣмъ условіемъ, чтобы Кайсаки, задержанные въ Оренбургѣ, были прежде возвращены въ улусы ихъ. По этому Ходжа Курбанъ просилъ Путятину освободить ихъ, и передать на руки присланному для того отъ Ирали Карабашъ-Султану. Предложеніе это не было принято, тѣмъ не менѣе дѣло принимало оборотъ благопріятный. Ирали дѣйствительно возвращалъ товаръ, по мѣрѣ возможности. Кромѣ того отдалъ онъ около ста верблюдовъ и производилъ расплату иноходцами. Нѣкоторые Бухарцы, получивъ все, что имъ слѣдовало, возвратились даже на родину; другіе оставались еще въ улусахъ Султана, собирали товаръ, или принимали по цѣнѣ барановъ; многіе повѣренные, не имѣя при себѣ достаточнаго числа людей, чтобы согнать весь скотъ, писали въ Бухару и звали оттуда настоящихъ хозяевъ. Сверхъ того (письмо Ирали 27 Мая 1766 года) Максютовъ, который еще въ прошломъ 1765 году былъ избранъ ими всѣми повѣреннымъ и въ Декабрѣ забравъ

съ собою разныхъ вещей: Индѣйской выбойки, кисей и проч., для поднесенія ихъ Ея Императорскому Величеству, отправился въ Петербургъ, успѣлъ выхлопотать тамъ къ Оренбургскому Губернатору о скорѣйшемъ удовлетвореніи за грабежъ указъ (*), вслѣдствіе котораго выданы были Высочайшія грамоты къ Нуралію, къ Айчуваку и къ Иралію. Грамоты эти, гдѣ требовалось содѣйствіе Хана и Султановъ, отправлены были къ нимъ съ Переводчикомъ Гуляевымъ (29 Января 1766 года), и въ отвѣтъ осенью 1766 года (14 Сентября) получено было отъ Иралія письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ, что хищники обязались внести Бухарцамъ за каждый выюкъ по 100 барановъ, а за полвыюка по 50, сверхъ того верблюдовъ, оставшихся въ живыхъ, возвратитъ, а за мертвыхъ заплатитъ за каждаго по 30 барановъ. Султанъ писалъ, что объ этомъ уже было сообщено Бухарскому Хану и Бяку, которые остались довольны, и что Киргизы уже уплатили по этому все сполна. Въ заключеніе Ираліи просилъ Путятина освободить и доставить къ нему въ улусы Кайсаковъ, содержавшихся въ Оренбургѣ.

И такъ Бухарцы хотя и не въ скоромъ времени, но получили уплату, если даже не за все, то по крайней мѣрѣ за большую часть ограбленныхъ у нихъ вещей. Взглянемъ теперь на ходъ дѣла нашихъ купцовъ, и разберемъ ихъ положеніе. Изъ этого разбора ясно окажется, что на сторонѣ ихъ вовсе не было столько благоприятныхъ

(* Копія съ него была послана Иризаромъ къ Бухарскому Хану.

обстоятельствъ, сколько на сторонѣ сотоварищей ихъ по несчастію-Бухарцевъ. Купцы наши были все Православные (изъ нихъ только одинъ былъ Татаринъ), слѣдовательно невѣрные въ глазахъ Ордынцевъ, а можетъ быть и не знакомые съ языкомъ Киргизскимъ; они не смѣли показаться въ виновные улусы, жили въ городѣ, объ нихъ заботилось одно только Правительство Русское, и не на самомъ мѣстѣ преступленія, а только издали единственными средствами, которыя находились у него въ рукахъ, письмами къ Султанамъ, указами и барантою. Какъ мало значили въ подобныхъ случаяхъ увѣщанія Султановъ, мы имѣли уже не разъ возможность замѣтить. Что касается до указовъ отъ Высшаго Правительства въ пользу купцовъ нашихъ, которые чрезъ повѣренныхъ своихъ хлопотали и въ Петербургѣ, то все они ограничивались подтвержденіями Губернатору о скорѣйшемъ удовлетвореніи просьбъ бы купцовъ: только Указомъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, отъ 23 Юня 1765 года, предписано было Князю Путятину оказывать имъ, какъ Русскимъ подданнымъ, предпочтеніе предъ Бухарцами. Слѣдствіемъ было то, что иногда попадались на долю ихъ часть опознаннаго товара, который Киргизы привозили сбывать въ Оренбургъ, или въ Троицкъ, но и тутъ почти всегда осморявали у нихъ Бухарцы. Собственно говоря, все выгоды нашихъ купцовъ ограничивались барантою, которая одна еще могла понудить Киргизовъ къ уплатѣ должнаго. Но скорѣе должно было отказаться и отъ этой надежды. Въ послѣд-

нее время, когда дѣла Бухарцевъ пошли на мировую съ Киргизами, какъ видно было изъ нашего разсказа, то они стали просить объ освобожденіи задержанныхъ Ордынцевъ, что бы при уплатѣ не подавать Кайсакамъ повода къ жалобамъ и задержкамъ. Конечно, такое ходатайство Бухарцевъ, противное интересу нашихъ подданныхъ, не могло быть согласно съ видами Правительства, и по этому всегдашнимъ отвѣтомъ былъ отказъ; тѣмъ не менѣе оно заставляло не разъ задумываться о томъ, не слѣдъ ли прекратить баранты. Мысль эта, пугавшая купцовъ, крѣпла съ каждымъ днемъ и наконецъ обратилась въ совершенную рѣшимость, когда пришло письмо Уралія, 24 Сентября 1766 года, то самое, въ которомъ онъ сообщалъ объ удовлетвореніи Бухарцевъ. Султанъ въ немъ же объявлялъ, что по довѣренности отъ него, Караванъ-Башъ Хаджи-Курбанъ, взялся поручиться Армянамъ за уплату, или даже заплатить имъ по тому же самому расчету по числу выюковъ, по которому получали удовлетвореніе Бухарцы. Хотя Хаджи Курбанъ по пріездѣ въ Оренбургъ не отказался уплатить, но завелъ споръ съ нашими купцами подъ тѣмъ предлогомъ, будто они требовали большее число товара, чѣмъ его было дѣйствительно у нихъ ограблено. Купцы значительно сбавили цѣну своихъ требованій, однако Хаджи Курбанъ этимъ не удовольствовался, и съ трудомъ согласился оставить товару на 300 руб. (у одного Григорьева было ограблено, какъ онъ говорилъ самъ, на 2248 руб. 12½ коп.)

и то съ условіемъ, чтобы задержанные Киргизы, Менглибекъ и другіе, были отпущены съ ними въ Орду къ Иралию. Пугатинъ далъ свое согласіе освободить ихъ. Причины, побудившія его къ тому, какъ видно изъ донесенія въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, отъ 2 Ноября 1766 года, были слѣдующія: 1., Бухарцы, опасаясь Киргизовъ, не хотѣли иначе возвращаться; 2., если бы Бухарцы остались на зиму, то будущею весною не льзя было ожидать пріезда каравановъ; 3., верблюды ихъ числомъ до 150, не привычныя къ стужѣ, могли попадать отъ холода; тогда Бухарцы потеряли бы большой убытокъ, а указомъ Ея Императорскаго Величества предписано было для поощренія торгоу оказывать Азіатцамъ всякаго рода вспоможенія и ласки; 4., Ирали Султанъ съ большимъ числомъ Киргизовъ подѣхалъ къ рѣкѣ Илюку, и настоятельно просилъ, что бы захваченные Кайсаки были отпущены; онъ говорилъ, что въ противномъ случаѣ Киргизы намѣрены злодѣйствовать по линии; угрозы эти осуществлялись на самомъ дѣлѣ, изъ разныхъ мѣстъ 14 человекъ были уже захвачены въ плѣнъ и несколько скота было угнато; 5., торгъ въ слѣдующемъ году могъ упасть совершенно. Азіатцы едва ли бы смѣли вѣхать степью, гдѣ предстоялъ имъ вѣрный грабежъ отъ мстительныхъ Киргизовъ. Общество Русскихъ купцовъ, предвидя это, подадо даже на имя Губернатора просьбу объ отпускѣ въ Орду Менглибека и другихъ. Такимъ образомъ Начальство нашлось вынужденнымъ

согласиться на требование Ордынцев и освободить захваченных Киргизов. Это случилось в конце 1766 г.

Описываемый 1766 г. замѣчательнъ также въ исторіи степи и даже всего Оренбургскаго Края преобразованиемъ, которое получили выломка и перевозъ Илецкой соли. Коллежскій Советникъ Тетюшевъ, усердствуя (какъ сказано въ именномъ указѣ 10 Января 1766 года) къ пріобрѣтенію казенной Ея Императорскаго Величества пользы, подаль Государынѣ представленіе, которымъ онъ обязывался доставлять ежегодно въ Нижній-Новгородъ до 1 милліона пудовъ соли, полагая ей цѣну съ выломкою на мѣстѣ и провозомъ, не болѣе 12 коп. съ пуда, включая сюда не только содержаніе людей и постройку разныхъ необходимыхъ зданий, но и всегдашнее ихъ содержаніе. Представленіе это было передано на заключеніе Оренбургскаго Губернатора Князя Путятина, который разсмотрѣлъ его и сообщилъ способы къ легчайшему тому исполненію (*). Представленіе и способы заключались въ слѣдующемъ:

Всеподданнѣйше представленное Коллежскимъ Советникомъ Тетюшевымъ учрежденіе для доставленія въ каждый годъ до 1 милліона пудовъ Илецкой соли до Нижняго-Новгорода:

(*) Важный документъ этотъ напечатанъ въ Царскомъ Собраніи Зок. т. XVIII № 12,553, и по этому мы дозволили себѣ перевести старинный слогъ его.

Способы къ легчайшему исполненію его, представленные Оренбургскимъ Губернаторомъ, Княземъ Путатынымъ.

1.) Для выломки Илецкой соли, и для перевоза ея отъ мѣста добыванія въ Магазины, имѣть на всегда до 200 человекъ работниковъ, которыхъ и поселить при Илецкой крѣпости, освободя ихъ отъ другихъ казенныхъ работъ. Задѣльную плату производить имъ за выломку каждаго пуда по полу-копѣйкѣ, обязавъ ихъ сверхъ того выработывать, безденежно, на усышку и утечку, на каждую тысячу пудовъ, по 50 пудовъ соли.

2.) Для защиты отъ Киргизовъ Илецкой крѣпости и находящихся тамъ работниковъ увеличить по мѣрѣ надобности гарнизонъ; сверхъ того учредить между Илецкою крѣпостью и Оренбургомъ нарочный разъѣздъ изъ нерегулярныхъ конныхъ войскъ; разъѣздъ этотъ отдать въ команду Главному Соляному Управителю, который бы по своему усмотрѣнію употреблялъ его «къ пользѣ и сохраненію интереса» вмѣсто конвоя на препровожденіе соли и другіе разъѣзды.

3.) Илецкую крѣпость, которая находится въ Киргизской степи на мѣстѣ добыванія соли, разстояніемъ отъ Оренбурга по крайней мѣрѣ на 60 верстѣ, осыпать валомъ и сдѣлать въ ней батарею, что бы какъ люди, поселенные для добыванія соли, и жители крѣпости, такъ и самъ гарнизонъ и команда нерегулярныхъ войскъ, учрежденная для разъѣздовъ, могли свободно защищаться отъ Киргизовъ; 2, построить для соли два магазина-однѣвъ при Илецкой крѣпости, а другой у при-

Нарядить изъ такъ называемыхъ своекоштныхъ, ссылающихся въ Оренбургъ, освободя ихъ отъ всякой другой работы. Если ихъ будетъ мало, то дозволить приписывать и вольныхъ, которые будутъ являться по собственному желанію, съ надлежащими видами. Заработную плату производить по усмотрѣнію, только такъ, чтобъ она не превосходила положенной платы съ пуда по полукопѣйкѣ.

Свести съ Военною Коллегіею, какъ объ увеличеніи гарнизона, такъ и объ опредѣленіи легкихъ войскъ для разъѣздовъ.

Разъѣзды слѣдуетъ перемѣнять чрезъ три мѣсяца. Что касается до укрѣпленія крѣпости, то объ этомъ будетъ представлено особо въ Военную Коллегію.

станции рѣкъ Ашкадара и Стерли, выпадающихъ въ Бѣ-
 лую; 3, для добыванія разсоловъ, находящихся въ под-
 земной соли, также для разработки и перевоза самой
 соли, сдѣлать надлежащія машинны; сверхъ того устро-
 ить разные земляные, съ деревяннымъ укрѣпленіемъ,
 валы, или плотины, которые, препятствуя весеннимъ на-
 водненіямъ размывать соль, служили бы вмѣстѣ облег-
 ченіемъ для рабочихъ, при добываніи соли на большой
 глубинѣ; 4, для лучшаго успѣха во всѣхъ распоряжені-
 яхъ, учредить Контору съ пристойнымъ числомъ Надзи-
 рателей, для которыхъ выстроить покои при Илецкой
 крѣпости; 5, по тракту, начиная отъ крѣпости Илец-
 кой, до упомянутой въ 2-мъ пунктѣ пристани на р.
 Ашкадарѣ, построить въ восьми мѣстахъ кормовищи, или
 вочлеги съ повѣтями, или сараями для рогатаго скота и
 лошадей, слѣдующихъ съ солью. Безъ этихъ вочлеговъ и
 сараевъ обойтись невозможно, въ случаѣ непогоды.

4.) Скорый, но вскрытіи льда, истокъ воды въ рѣкѣ
 Бѣлой препятствуетъ сплаву соли въ большомъ количе-
 ствѣ; по этому въ устьяхъ Ашкадара и Стерли сдѣлать
 шлюзы; за тѣмъ, отступя отъ нихъ къ вершинамъ воды,
 построить пильныя мельницы, обдѣлавъ берега помину-
 тыхъ рѣкъ между шлюзъ и пильныхъ мельницъ деревян-
 нымъ укрѣпленіемъ, потребнымъ къ строснію барокъ.
 Нагрузку соли производить не дожидаясь вскрытія льда,
 такъ какъ между означенными рѣками есть довольно

Строенія производить по мѣрѣ надобности и сообра-
 зуясь съ пропорціею поставки соли.

Кромѣ годнаго мѣста для учрежденія пристани при
 устьяхъ рѣкъ Ашкадара и Стерли есть и другое удоб-
 ное мѣсто при устьѣ рѣки Мелеуса; по этому предо-
 ставить на волю, въ которомъ изъ двухъ мѣстъ завезти
 пристань, а не то можно учредить по пристани въ обо-
 ихъ мѣстахъ.

большое озеро, которое при наступлении весны замерзает прежде; во всякомъ случаѣ такая заблаговременная нагрузка соли будетъ достаточно обезпечена шлюзами, съ устройствомъ которыхъ нельзя уже будетъ опасаться недостатка воды въ Бѣлой. Кромѣ этой прямой пользы отъ шлюзовъ, можно ожидать еще другихъ выгодъ: именно онѣ будутъ ручаться за успешное заведение лѣсовъ на строеніе барокъ, за удобное вытаскиваніе ихъ на берегъ, а болѣе всего за безубыточный и безопасный спускъ судовъ на воду (*).

5.) Если, за непостроениемъ еще плывныхъ мельницъ, не лзя будетъ достать нужнаго числа барокъ изъ шильнаго лѣса, то дозволить на первый годъ возить соль въ топорныхъ баркахъ безъ платежа пошлины.

6.) Лѣсъ, нужный для ежегоднаго строенія барокъ: сосновый, еловый, осиновый и годный для завозень и лодокъ, — вѣтловый и осокорникъ, вачавъ по теченію отъ вершины рѣки Бѣлой до города Уфы, по Бѣлой съ обѣихъ сторонъ на 10 верстъ, а по впадающимъ въ нее рѣкамъ съ обѣихъ на 5 верстъ, запретить рубить заготовлять, не включая въ то число Башкиръ и Мещеряковъ, которымъ дозволить пользоваться ихъ для собствнныхъ нуждъ. При этомъ наблюдать, что бы не по-

(* При этомъ приложенъ былъ Тетюшевымъ планъ рѣки Ашкандара и Стеран. озера и мѣста, признаннаго имъ удобнымъ для построения казана.

Пунктъ этотъ оставить до будущаго времени, пока чрезъ осмотръ и съемку самой мѣстности не окажется въ точности, сколько можетъ быть лѣса, и откуда его надежнее получать.

следовало ни остановки, ни помѣшательства горнымъ заводамъ. Во всѣхъ показанныхъ мѣстахъ не воспрепятствовать «вольво желающимъ къ тому соляному управленію» свинить дубья.

7.) Между помянутыхъ рѣчекъ Ашкадара и Стерли, впадающихъ въ Бѣлую, построить, какъ сказано въ 3 пунктѣ, магазинъ, гдѣ и могутъ находиться въ большомъ числѣ «всѣ припасы, принадлежащіе къ отправленію соли;» въ этомъ же мѣстѣ, которое сдѣлается главнымъ пунктомъ отправленія Илецкой соли, учредить Контору съ нужнымъ числомъ какъ людей и надзирателей, такъ и военно-служащихъ, необходимыхъ для хранения денежной казны; здѣсь же для главнаго Командира и не малаго числа Управителей построить покои; сверхъ того сдѣлать казармы на 4,000 человекъ для работниковъ, приходящихъ къ нагрузкѣ и препровожденію барокъ съ солью.

8.) На учрежденіе всѣхъ нужныхъ зданій и содержаніе ихъ, также на покупку якорей и канатовъ, полагаются употреблять ежегодно по шлюкконѣйкѣ съ каждаго пуда соли, но на первый годъ, когда придется обзаводиться всѣмъ вновь, суммы этой, втроитно, будетъ мало, а по тому нынѣ же приказать выдать по шлюкконѣйкѣ съ пуда за три или четыре года впередъ, въ зачетъ на будущее время.

Ссылаюсь на третій пунктъ, что бы все строеніе, кромѣ необходимаго, производилось сообразно съ пропорціей поставки соли.

Я нахожу это весьма нужнымъ для первоначальнаго заведенія.

9.) Опредѣлять до 1200 двуконныхъ работниковъ для перевозки соли до пристани и для необходимой на первый случай работы. Плату за работу производить имъ по плакатной цѣнѣ, а за возку соли до пристани выдвзвать имъ отъ 5 до 6 коп. съ пуда. Сверхъ того назначить до 100 человекъ въ лоцманы, которыхъ въ случаѣ надобности употреблять на распиливаніе леса и на строеніе барокъ; лоцманамъ этимъ производить плату за труды, по усмотрѣнію Главнаго Командира. Всѣхъ сказанныхъ людей поселить въ удобныхъ мѣстахъ и отвести имъ нужное число луговъ и земли.

10.) Къ сплавленію барокъ съ солью отъ пристани въ мѣста ихъ назначенія опредѣлять въ Смотрителю вольныхъ людей изъ военно-служащихъ, или изъ купечества; Смотрителю за его труды производить въ награду съ каждаго пуда соли, привезеннаго подъ его присмотромъ, по одной деньгѣ, или по одной копейкѣ, по усмотрѣнію Главнаго Управителя. — Если на первый разъ не лѣзя будетъ найти годныхъ людей въ Смотрителю, то назначать ихъ изъ купечества, отъ Магистратовъ, съ производствомъ той же самой платы, и при добреніяхъ отъ тѣхъ же присутственныхъ мѣстъ, однако съ тѣмъ, чтобы купцы, опредѣляемые въ должность Смотрителей, были изъ жителей городовъ, лежащихъ по рѣкамъ Волгѣ и Окѣ.

11.) Если все изложенное въ предъидущихъ пунктахъ

Опредѣлить къ тому людей изъ находящихся въ Оренбургской губерніи Тентарей, которые въ состояніи исполнять требуемыя работы за означенную плату; если можно, то дать имъ и луга, для содержанія скота. Равнымъ образомъ назначать въ работники изъ Бугульминскаго вѣдомства, поселенныхъ изъ непомятыхъ родства и прописныхъ по ревизіи, также и вольныхъ, которые пожелаютъ работать за положенную плату, и представлять узаконенные виды; вольныхъ этихъ можно тутъ и поселить. Всего бы лучше было, если бы всегда представлялся случай находить и употреблять однихъ, охочихъ людей.

удостоится Высочайшаго утверждения и начнет приходить въ дѣйствиѣ, то должно надѣяться, что съ 1767 года можно будетъ ежегодно не только выламывать, но даже выставлять въ Нижній-Новгородъ 1 миллионъ пудовъ соли, количество, которое, если не встрѣтятся непреодолимыхъ препятствій, можетъ быть въ случаѣ нужды удвоено.—Цѣною (включая въ нее все расходи, какъ-то: постройку магазиновъ, покоевъ и станцій, содержаніе двухъ конторъ, также постройку казармъ для 4000 рабочихъ и проч.) каждый пудъ соли будетъ обходиться до Нижняго-Новгорода, съ исключеніемъ могущихъ быть вѣдствій и несчастій, отъ $11\frac{1}{2}$ до 12 коп.

А именно: за выработаніе при Илецкой крѣпости $\frac{1}{2}$ коп.

За провозъ до пристани отъ 5 до 6 коп.

На все помянутыя строенія, на содержаніе ихъ и починку, на якоря и воровые канаты - - $\frac{1}{2}$ коп.

На строеніе барокъ и наемъ рабочихъ людей до Нижняго-Новгорода—4 коп.

Смотрителямъ за препровожденіе соли отъ пристани съ отдачею ея въ Нижегородскій магазинъ, а за присмотръ во время постройки барокъ и притовленія на нихъ такелажу по $\frac{1}{2}$ или 1 коп

Итого $11\frac{1}{2}$ или 12 к.

Что касается до содержанія Главнаго Командира, бу-

Которыя для первоначальнаго обзаведенія должны быть ассигнованы за 3, или 4 года впередъ.

дущихъ при немъ Управителей и потребнаго числа служителей, которые будутъ состоять при Конторѣ, »на оное ничего не полагается, но предается на Всевысочайшую щедрость «

Такой прозвъ Тетюшева, съ приложенными къ нему замѣчаниями Князя Путятина, былъ внесенъ на благоусмотрѣніе Государыни, которая указомъ 19 Января 1766 года изволила утвердить ихъ. Противъ 5 пункта написано было собственною Ея Императорскаго Величества рукою: »на одинъ годъ дозволяется,« а противъ 3: »производить Тетюшеву, а за труды награжденіе впредь означится, а въ прочемъ апробуется и съ изъясненіемъ Губернаторскимъ.«

Тѣмъ же указомъ Сенату 19 Января исполненіе проекта, въ которомъ Государыня, какъ видно, принимала живое участіе, поручено было самому Тетюшеву »яко Главному Директору добыванія и отправки соли,« а Сенату приказано было снабдить его указомъ, »дабы въ случаѣ какой его по тому производству надобности вспоможеніе чинено было«. Сверхъ того другимъ именованнымъ указомъ отъ того же 19 Января 1766 года, даннымъ на имя Князя Путятина, предписано ему оказывать во всемъ помощь Тетюшеву, отвращать по мѣрѣ возможности »сколько безвредно и безубыточно для казны« могущія встрѣтиться препятствія, и доносить обо всемъ происходящемъ Государынь.

Что касалось до денегъ, слѣдовавшихъ Тетюшеву по представленному имъ расчету, по 12 коп. съ пуда, то Соляной Конторѣ (указъ 19 Января 1766 года) приказано было ассигновать эту сумму въ Нижнемъ-Новгородѣ, Казани и Оренбургѣ изъ соляныхъ доходовъ и предоставить ее въ распоряженіе Оренбургскому Губернатору, который »ему, Тетюшеву, по надобности подъ росписку «выдавать будетъ, или о томъ въ показанныя мѣста ассигнаціи давать«. Вместе съ тѣмъ (тотъ же указъ 19 Января 1766 года) на Соляную Контору возложена была обязанность по полученіи отъ Тетюшева увѣдомленія о количествѣ приготоленной имъ соли дѣлать распределеніе, куда ее доставлять. Кроме того она должна была извѣщать Тетюшева заранѣе, т. е. если можно, не позже Сентября 1766 года, о цѣнахъ, которыя подрядчики будутъ требовать для перевозки въ 1767 г. соли изъ Нижегородскихъ и Салтукоевскихъ магазановъ, до верховыхъ городовъ, для того, что бы Тетюшевъ по усмотрѣнію своему могъ, въ случаѣ нужды, не выгружая соли въ означенные магазаны, провозить прямо въ тѣ города. Наконецъ особымъ, подписаннымъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою, указомъ Се-

нату, отъ того же 18 Января, повелѣно было купцамъ, тѣмъ, бывшимъ съ Тетюшевымъ повѣренными его: Орловскому Панкрату Кочетову, Симбирскимъ: Алексѣю и Василью Максимовымъ, и Оренбургскому Ивану Попову дать шпаги.

На основаніи всѣхъ этихъ именныхъ указовъ и Высочайше утвержденного представленія Тетюшева, Сенатъ отправилъ, съ приложеніемъ съ нихъ копій, во всѣ слѣдовавшія мѣста, въ томъ числѣ и къ Оренбургскому Губернатору, отъ 1 Февраля 1766 г. подтверженія о должномъ исполненіи ихъ. Между тѣмъ Князь Путятинъ, въ силу даннаго ему Высочайшаго указа, заботился уже съ своей стороны сдѣлать зависяшія распоряженія. Тетюшеву требовалось людей, и самъ Губернаторъ посѣщилъ доставить ихъ. Въ эту пору наступало время положеннаго указами наряда съ Тешарей и Бобылей, жившихъ въ провинціяхъ: Уфимской, Исетской и Ставропольской и въ Бугульминскомъ вѣдомствѣ, для городскихъ и прочихъ работъ въ Оренбургѣ на лѣто 1766 года. Наряды эти, съ самаго введенія ихъ, дѣлались съ числа дворовъ, смотря по производству начатыхъ или вновь назначенныхъ въ Оренбургѣ построекъ и заготовленій требуемаго на то матеріала. Въ последнее время, когда въ Оренбургѣ не было другой работы, кромѣ городской, наряды уменьшились. На лѣто 1766 года также не было назначено ни какихъ почти работъ, кромѣ городской; ни чего не оконченнаго изъ прежде начатаго

не оставалось; кромѣ того въ помощь Тешарямъ и Бобылямъ, по примѣру прошлаго 1765 года, предполагалось употреблять и баталіонныхъ солдатъ. Имѣя все это въ виду, Князь Путятинъ распорядился слѣдующимъ образомъ: 26 Января 1766 года онъ писалъ изъ Петербурга въ Оренбургскую Губернскую Канцелярію, что бы она при нарядѣ на лѣтнее время къ городскимъ и прочимъ работамъ въ Оренбургѣ Тешарей и Бобылей включила изъ числа ихъ тѣхъ, которые жили по дорогамъ Ногайской и Казанской въ Уфимской провинціи, и въ Бугульминскомъ вѣдомствѣ по новой Московской дорогѣ и вблизи ея. Съ этихъ дорогъ, а на помощь въ случаѣ нужды и съ другихъ, лежавшихъ не поодаль отъ Оренбурга, Губернаторъ, ссылаясь на 9-й пунктъ представленія Тетюшева, предписалъ нарядить о двухъ лошадахъ, съ припрягою конскою и лѣтнею тележною сбруею для каждой лошади, 1200 человекъ, а изъ нихъ, именно изъ жившихъ по рѣкѣ Бѣлой и въ ея окрестностяхъ велѣтъ 400 человекамъ имѣть при себѣ, кромѣ тележной, и санную сбрую на тотъ случай, если ихъ потребуютъ къ работѣ прежде лѣта. Сверхъ того Путятинъ приказалъ выбрать въ Бугульминскомъ вѣдомствѣ изъ непомянутыхъ родовъ, которымъ минула трехлѣтняя льгота, 100 человекъ плотниковъ пѣшихъ и съ топорами; если бы такихъ 100 человекъ тамъ не нашлось, то пополнить недостающее число къмъ случится. По окончаніи наряда, который должно было произвести чрезъ Уфимскую Про-

влиціальную Канцелярію и Бугульминскую Земскую Контору, слѣдовало не высылать тотчасъ же работниковъ изъ домовъ, но пока не будетъ новаго предписанія, велѣть имъ жить у себя во всей готовности и исправности, объявивъ напередъ не помнившимъ родства, что плата за предстоящія работы дается безобидная, а Тентярямъ, что она будетъ не только не меньше той, которую бы они получили въ Оренбургѣ, но даже вдвое больше. Наконецъ Князь Путятинъ, думая скорѣе и легче исполнить 4-й пунктъ Тетюшевскаго представленія, предложилъ Губернской Канцеляріи всѣхъ ссыльныхъ своекоштныхъ, находившихся въ Оренбургѣ подъ вѣдѣніемъ Плацъ-Маіорскихъ дѣлъ, и на Сакмарской дистанціи, равно и не помнившихъ родства, назначенныхъ для заселенія крѣпостей Пречистенской и Воздвиженской, немедленно собрать изъ дѣльныхъ отлучекъ (хотя бы кто изъ нихъ и не по просроченнымъ паспортамъ гдѣ находился) въ мѣста, гдѣ полагалось предъ тѣмъ поселить ихъ, и ни куда не распускать до возвращенія его изъ Петербурга; о тѣхъ же изъ нихъ, которые были при ломкѣ соли, взять у Тямашева вѣдомости съ показаніемъ числа и именъ ихъ, и велѣть ему ни куда не увольнять ихъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые уже отработались; впрочемъ и послѣднихъ разрѣшалось отпускать только при письменныхъ видахъ и единственно въ тѣ команды и вѣдомства, гдѣ они состояли.

Заботясь такимъ образомъ о скорѣйшемъ доставленіи

Тетюшеву людей къ производству работъ, Князь Путятинъ обращалъ не меньшее вниманіе и на другія статьи проекта; по второму пункту ему слѣдовало снести съ Военною Коллегіею объ увеличеніи гарнизона въ Илецкой крѣпости и объ учрежденіи разѣздовъ. Прибавка гарнизона была тѣмъ необходимѣе, что для разработки соли предполагалось употреблять людей не вольныхъ, а ссыльныхъ въ Оренбургѣ. Слѣдовательно нужно было не только охранять ихъ отъ Киргизовъ, но еще смотрѣть, что бы они не могли ни бѣжать, ни покушаться на новыя проступки. Въ Илецкой же крѣпости находилась всего одна рота. Содержать караулъ, охранять работниковъ при добываніи соли, стеречь ихъ и сопровождать въ Оренбургѣ соляные обозы, что бы подводчики на дорогѣ не зоровали и не продавали соли,—всѣ эти обязанности были бы слишкомъ для нея обременительны. Необходимость требовала ввести въ крѣпость по крайней мѣрѣ еще одну роту; но изъ баталіоновъ, находившихся въ Оренбургѣ, набрать ее было невозможно. По этому Князь Путятинъ (28 Января 1766 года) просилъ у Военной Коллегіи разрѣшенія перевести въ Илецкую крѣпость одну изъ двухъ ротъ, находившихся въ Гурьевѣ городкѣ, гдѣ не предвидѣлось настоятельной нужды въ крѣпкой оборонѣ; кромѣ того въ случаѣ необходимости всегда можно было набрать нерегулярную команду изъ Илецкаго войска. Что касалось до разѣздовъ между Оренбургомъ и Илецкою крѣпостью, то Князь Путятинъ

полагал употреблять для того Казаковъ изъ тысячнаго отряда, положеннаго штатомъ при городѣ Оренбургѣ. Число Казаковъ въ разбѣдахъ могло быть различное, смотря по количеству поставки соли и проч., однако во всякомъ случаѣ не менѣе 200 р.п. въ Воссную Коллегию 28 Января 1766 года).

Нелюбимыя распоряженія Губернатора конечно должны были принести большую пользу предпріятію Тетюшева; однако въ первый разъ, не смотря на всю помощь со стороны мѣстнаго Начальства, усилѣхъ былъ не такъ значителенъ, какъ слѣдовало ожидать. Тетюшевъ, что бы отстранить отъ себя отвѣтственность, толковалъ о злоумышленникахъ, которые будто бы разглашали между Башкирами вредные слухи, говорилъ, что работники доставлялись не во время, жаловался на помощь со стороны Начальства, и приводилъ въ примѣръ Черкасовъ, которые, по его словамъ, оказались полезны въ перевозкѣ соли. Ихъ онъ думалъ переселить къ мѣстамъ, лежавшимъ близъ возка соли, и предлагалъ для того вызвать ихъ, надѣлавши нужнымъ количествомъ земляныхъ угодій. Князь Путятинъ, какъ утверждалъ Тетюшевъ, наперекоръ ему, назначилъ къ переселенію мѣсто у Самарской линіи, на что Черкасы не были согласны. Наконецъ онъ же доносилъ, что хотя не достатка въ лѣсѣ для строенія судовъ и не было но заводника не дозволяя рубить его; при этомъ онъ именно указывалъ на Управителя казеннаго Вознесенскаго завода.

Легко понять, какъ непріятно Правительству было слышать эти жалобы и видѣть дурное исполненіе проекта, къ торый въ началѣ обѣщалъ столько выгодъ. Именнымъ указомъ отъ 28 Сентября 1766 года приказано было Князю Путятину оказывать Тетюшеву возможное содѣйствіе, и объяснить при нѣмъ, заставляющую его предположить переселеніе Черкасовъ къ Самарской линіи, тогда какъ бы можно было, согласно съ желаніемъ Тетюшева, въ указанныхъ имъ мѣстахъ купить нужное число угодій, или нанять ихъ на вѣскѣльно лѣтъ у Башкиръ, которые бы за это не были въ правѣ роптать. Однако нельзя не замѣтить, что Государыня, утверждая эту мѣру, требовала исполненія ея въ томъ только случаѣ, если бы потребные расходы не оказались слишкомъ велики и это бы не повредило какому либо другому учрежденію, столь же полезному, какъ промыселъ солью. Въ концѣ указа выражено неудовольствіе на заводы и даже предписано Губернатору довести, имѣетъ ли князь отъ Вознесенскаго завода какую либо прибыль, и не полезнѣ ли уничтожить его и все имѣющагося къ нему крестьянами и угодьями опредѣнить для солянаго отиравленія.

Исполнительная заботливость Государыни не принесла всей пользы, которую должно было ожидать отъ нея, въ сѣдствіе явнаго разрыва между Княземъ Путятинымъ и Тетюшевымъ, который, выйдя совершенно изъ подчиненности, пересталъ доносить первому о ходѣ дѣлъ своихъ, уѣхалъ въ Петербургъ и даже не объявлялъ, кого онъ

оставил своимъ повѣреннымъ, такъ что Князь принужденъ былъ въ донесеніи Государынѣ отъ 18 Января 1767 года принести на Тетюшева открытую жалобу, побуждаясь тѣмъ, что Тештары и Бобыли, находявшіеся у Тетюшева, были отягощены имъ излишнею работою, въ противность Высочайшимъ указамъ, которыми повелѣвалось ни въ чемъ не обременять ни ихъ, ни Башкировъ.

Обратимся теперь къ другимъ предметамъ, которые привлекли къ себѣ тогда вниманіе Начальства.—Кстати о Башкирахъ скажемъ, что они только что получили новый знакъ милости Царской. Въ 1755 году, во время бунта, множество изъ нихъ бѣжало въ Киргизскую Орду, думая найти тамъ убѣжище. Надежды эти оказались тщетными. Кайсаки однихъ изъ нихъ убили, а остальныхъ, въ томъ числѣ женъ и дѣтей, разобрали въ плѣнъ. Несчастные Башкиры, томимы въ мучительной неволѣ, часто претерпѣвали отъ хозяевъ обиды и истязанія. Прослышавъ о Высочайшемъ Манифестѣ, которымъ обѣщалось безусловное прощеніе тѣмъ изъ нихъ, которые въ продолженіе 10 лѣтъ выйдутъ изъ степи, они стали пользоваться удобными случаями и выбѣгать на линію. Срокъ этому Манифесту, положенный до 1765 года, истекъ, между тѣмъ число выбѣгавшихъ Башкировъ увеличивалось съ каждымъ днемъ. Тогда, по ходатайству Князя Путятина, указомъ Сената отъ 7 Января 1765 года, срокъ былъ продолженъ на одинъ годъ до 7 Января 1766 г. и происхожденіе

принесло еще большую пользу. Въ этотъ годъ выбѣжало изъ степи 79 мужчинъ и 42 женщины, но по имѣвшимся тогда свѣдѣніямъ въ рукахъ Киргизовъ должно было находиться еще значительное число плѣнныхъ, такъ какъ въ продолженіе всѣхъ 11 лѣтъ вышло не болѣе 7025 человекъ. Выручить ихъ было невозможно иначе, какъ поощряя къ новымъ побѣгамъ. По этому Князь Путятинъ вторично обратился въ Сенатъ съ представленіемъ, по которому срокъ слѣдовало продлить еще на 3 года, считанъ его съ 1 Января 1766 года. Выбѣсть съ тѣмъ, для избѣжанія на будущее время излишней переписки, онъ просилъ дозволить ему впредь, если того потребуютъ мѣстные обстоятельства, продолжать срокъ по своему усмотрѣнію, донося въ Сенатъ о числѣ Башкировъ, которые будутъ выходить изъ Орды. Указомъ 14 Декабря 1765 года, представленіе Князя Путятина было утверждено. Благотворнымъ слѣдствіемъ его оказалось то, что въ продолженіе 1766 и 1767 года плѣнные Башкиры изъ степи не переставали выбѣгать въ большомъ числѣ на линію и по полученіи отъ Губернской Канцеляріи билетовъ на свободное жительство въ прежнихъ волостяхъ, возвращались на родину, довольные своею судьбою и хвала снисходительности заботливаго объ нихъ Правительства, которое освобождало ихъ изъ рукъ ненавистныхъ Кайсаковъ.

Но выбѣсть съ тѣмъ плѣнные, выбѣгая домой, разсказами своими о претерпѣнныхъ бѣдахъ въ степи, вѣроятно, не мало

содѣйствовали къ поддержанію той взаимной вражды двухъ народовъ, Башкировъ и Киргизовъ, которая существовала издавна, въ особенности же открыла съ 1755 года. Вражда эта, гроза продолжилась въ неопредѣленно долгое время, выражалась на каждомъ шагѣ или въ явно противозаконныхъ поступкахъ; то Башкиры, пылая злобой и досадою на Кайсаковъ, постараются чѣмъ вѣдѣть повредить имъ; то Ордынды съ своей стороны, думая отомстить не дружелюбнымъ соседямъ, ограбятъ у нихъ скотъ и тѣмъ вынудятъ Пограничное Начальство къ принятію мѣръ законной строгости. Такъ въ Августѣ мѣсяцѣ 1767 года партія Киргизовъ, кочевавшихъ близь линіи, воспользовавшись оплошностью форпостныхъ Казаковъ, ворвалась внутрь линіи, отогнала у Башкировъ Узбекскаго уѣзда Нагайской дороги Карагай-Кичицкой и Бураевской волостей, 72 лошади, и откочевала вдаль. Тогда Князь Путятинъ, заботясь объ удовлетвореніи обиженныхъ, вынужденъ былъ прибѣгнуть къ единственному средству барантѣ, «если тѣхъ лошадей «требовать отъ Хана и Султановъ ихъ, то оныхъ отнять «не уповательно отъ нихъ дожидаться, какъ то чрезъ до- «лины бывшіе по равномѣрнымъ обстоятельствамъ опыты «довольно дозволю, потому какъ настоящія обстоятель- «ства заставляютъ весьма ихъ Киргизъ-Кайсаковъ въ томъ «не упустить и тѣмъ ихъ дальніе злодѣянія пресѣчь, «яко какъ видно обавантажившись они сею добычею, «угрожать вѣ еще злодѣяствомъ, въ предупреженіе котораго

«за нужное я полагаю поступить съ ними на барантѣ по «указу Ея Императорскаго Величества изъ Государствен- «ной Иностранныхъ Дѣлъ Коллегіи отъ 5 Ноября 1740 «года.» (Ордеръ Князя Путятина Генералъ-Мажору Черепову 22 Августа 1767 года.) Коннаго Баларскаго полка Капитанъ Зейфертъ съ одною пушкою и съ командою изъ регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ, въ томъ числѣ и Башкировъ, посланъ былъ изъ Кизильской крѣ- «пости къ степи, что бы захватить тамъ двухъ или трехъ чело- «вѣкъ, или же отогнать столько же скота, сколько было взято его Киргизами у сашкировъ. На бѣду, Зей- «фертъ, при исполненіи возложеннаго на него порученія, имѣлъ неосторожность, въ противность Генеральнаго «учрежденія 1766 года, не пройдя еще 100 верстъ по «степи, остановиться съ командою и сверхъ того по- «слать однихъ Башкировъ требовать удовлетворенія у Кай- «саковъ. Башкиры не замедлиши воспользоваться этимъ «случаемъ и отогнали лошадей гораздо больше, чѣмъ слѣ- «довало. Раздраженные Киргизы, будучи не въ силѣхъ «точно же отплатить имъ злымъ за зло, подали жалобу, «гдѣ утвердилъ, что Башкиры, бросившись на улусы, огра- «били ихъ, трехъ человекъ убили, и т. д.

Подобнаго рода случаета и пренски повторялись безпре- «рывно. Коренная причина ихъ, вражда Башкировъ и Кир- «гизовъ, укрѣпившаяся вѣками, не могла прекратиться съ «разу; къ тому же совершенное уничтоженіе ея въ то «время едва ли было выгодно, такъ какъ примѣръ 1755

года доказалъ, что Правительство имѣло въ ней вѣрное средство для обезопасенія Края отъ совокупнаго дѣйствія обитавшихъ въ немъ инородцевъ, и это было въ настоящую минуту необходимо, потому что пришлое отсюда русское народонаселеніе не только не обезпечивало порядка и спокойствія, но представляло безпрерывныя примѣры буйства, предвѣщавшіе время Пугачева.

Такъ въ Оренбургѣ, въ концѣ Октября 1766 года, были наказаны кнутомъ Казакъ Каменщиковъ и сообщники его. Смѣлость и минутный успѣхъ попытки этого преступника не лзя объяснить ни чѣмъ болѣе, какъ тогдашнимъ недостаткомъ развитія гражданственности въ Краѣ Исетской провинціи, Чебаркульской крѣпости, Казакъ Федоръ Каменщиковъ, прозванный Слудниковымъ и алтыннымъ-глазомъ, былъ уже съ давнихъ поръ извѣстенъ за человека съ характеромъ буйнымъ. 13 Сентября 1764 года онъ былъ съченъ плетью за то, что билъ Казака Пустозерова; не объявилъ о найденной въ квартирѣ его послѣ одного Донскаго Казака суевѣрной тетради и ложно показалъ, будто по осмотру Священника въ ней оказалась только молитва Михаилу Архангелу; на свадьбѣ Казака Клыкова безъ всякой причины стрѣлялъ по немъ изъ ружья. Мало того, съ 1761 года онъ находился подъ слѣдствіемъ за челобитную на притѣсненія Казакамъ со стороны Станичныхъ ихъ Старшинъ; хотя часть его жалобъ оказалась справедливою, однако и по этому слѣдствію онъ былъ признанъ виновнымъ въ

томъ, что: 1, не доказалъ на Есаула Фалкова, что тотъ грозилъ ему, и на Атамана Симонова, что будто онъ удерживалъ при раздачѣ журавья денеги отъ каждаго рубля по 5 коп.; 2, ложно обвинялъ Симонова, который, по его словамъ, принуждалъ Казаковъ возить по-крадному провіантъ, и безвинно билъ и сажалъ подъ карауль тѣхъ изъ нихъ, которые не соглашались на это; 3, ложно написалъ въ челобитной, будто всѣ мірскіе люди послали его жаловаться на Старшинъ, и наконецъ 4, подалъ доносъ на незаконный побѣгъ, произведенный будто бы съ Казаковъ Атаманомъ Симоновымъ, который взялся за извѣстную цѣну исхочатайствовать у Подполковника Магута жалованье за бытность ихъ въ линейной службѣ, спустя долгое послѣ самаго побора время.

Слѣдствіе это не было вполне окончено и Каменщиковъ содержался еще въ Троицкой крѣпости подъ карауломъ, какъ вдругъ въ Апрель 1765 года, выйдя однажды изъ тюрьмы, случайно замѣтилъ, что желѣза на немъ были очень плохи, и снявъ ихъ съ себя, бѣжалъ изъ подъ караула. Такъ говорилъ самъ преступникъ, но едва ли это справедливо. Вѣроятно, побѣгъ былъ замышленъ имъ заранѣе; но крайней мѣрѣ, сидя еще въ тюрьмѣ, онъ подговаривалъ нѣкоторыхъ на свою сторону и по освобожденіи своемъ общалъ государственнымъ крестьянамъ Исетской провинціи Буткинскоя слободы хлопотать по дѣлу ихъ о землѣ, находившейся въ спорѣ съ Татарами. Крестьяне прислали ему 120 руб., и

сверхъ того взяли събрать въ его пользу еще 200. Этихъ средствъ было достаточно Каменщикову на первый случай. Онъ писалъ къ подъячему Къзимъ Мерзлякову и просилъ его къ себѣ въ Троицкую крѣпость, будто бы для письменодства по Буткинскимъ дѣламъ. Въ Мартѣ 1765 года, Мерзляковъ, вмѣстѣ съ крестьяниномъ Буткинскоя слободы Симономъ Телминовымъ, прибылъ въ Троицкую крѣпость и сталъ на квартирѣ у Оренбургскаго полка Драгуна Петра Долгихъ, который, издавна будучи знакомъ съ Слудниковымъ, тотчасъ же послалъ и привелъ его изъ тюрьмы (**). На первомъ свиданіи съ Мерзляковымъ, Каменщиковъ показалъ ему печатный указъ Императора Петра Федоровича, будто бы данный на его имя, но не объявилъ ему ни содержанія, ни года, ни числа указа (*). За тѣмъ при разныхъ случаяхъ не однократно говорилъ онъ ему, что Петръ III живъ и часто ѣзжалъ по ночамъ, вмѣстѣ съ бывшимъ Губернаторомъ Волковымъ, для развѣдыванія о народныхъ обидахъ, въ Троицкую крѣпость, гдѣ и останавливался на квартирѣ у Петра Долгихъ. Этому Драгуна Каменщиковъ

(*) По какому праву Долгий приводилъ къ себѣ Каменщикова изъ тюрьмы, изъ дѣла не видно.

(**) Въ послѣдствіи въ числѣ бумагъ, отобранныхъ у Каменщикова, нашлись два указа: однимъ изъ нихъ, отъ 25 Декабря 1761 года, извѣщалось о кончинѣ Государыни Елизаветы Петровны и повѣлялось прислать на подданство возвращающемуся тогда Императору Петру III.

еще прежде привлекъ на свою сторону, увѣривъ его, что самъ Волковъ лично обѣщалъ не оставить его, Каменщикова, и поручился въ этомъ за себя и за Императора Петра (*). Какъ бы то ни было, Слудниковъ успѣлъ поговорить себѣ въ сообщники подъячаго Мерзлякова, котораго впоследствии употреблялъ вмѣсто писаря.

Наконецъ въ Апрель онъ бѣжалъ изъ Троицка. Онъ зналъ, что Исетскаго вѣдомства Масленскаго острога и Борневскоя слободы крестьяне, не давно приписанные къ заводамъ Дворянина Никиты Демидова, не довольны своимъ положеніемъ. Еще въ 1761 году, не желая быть на заводскихъ работахъ, они бунтовали и усмирены были только нарочно посланною противъ нихъ командою Каменниковъ, вѣроятно, разчитывая на мятежное расположеніе умовъ ихъ, рѣшился бѣжать къ нимъ. Прибывъ на мѣсто, онъ объявилъ себя Сенатскимъ курьеромъ Михайломъ Рязновымъ, посланнымъ по именному указу, для изслѣдованія объ обидахъ и притѣсненіяхъ, будто бы дѣланыхъ крестьянамъ Масленскаго Острога и Борневскоя слободы прикащиками Демидова.

(*) При свиданіи въ Оренбургской Губернской Канцелярш Каменщиковъ показалъ, что проговаривался Петру Долгихъ и Мерзлякову о Петрѣ III только по увѣренію Чебаркульской крѣпости Казака Конона Вѣлишпа, который говорилъ, будто Императоръ Петръ ѣздитъ съ Губернаторомъ Волковымъ въ образѣ шута, и хоти не онъ, Каменщиковъ, тому было повѣрилъ, но какъ увидѣлся, что оной Казакъ за такое затѣйное произношеніе выстѣненъ шутами, то уже и вѣрять не сталъ.

Выдумка эта оказалась удачною и бунтъ быстро распространился; недовольные въ больномъ числѣ стеклись къ Каменщикову и слушали его мятежныя внушенія. Тогда бѣглый Казакъ сталъ дѣйствовать рѣшительно. Разъѣзжая съ сообщниками своими по деревнямъ и селамъ Масленскаго острога и Буткинской слободы, онъ распоряжался самовластно, принималъ на свое имя жалобы, подтвердилъ Буткинскимъ крестьянамъ данное имъ обѣщаніе хлопотать въ Сенатѣ за спорную землю. Людей, повиновавшихся ему, онъ ласкалъ и обѣщалъ представлять объ нихъ въ Сенатѣ и даже Самой Государынѣ; непокорныхъ же и виновныхъ сажалъ подъ караулъ и мучилъ плетью, а дома и пожитки ихъ опечатывалъ. Коммисаръ Калининъ, ѣздившій въ Маѣ для поимки преступника, не успѣлъ захватить его; осторожный Каменщиковъ держалъ при домѣ своемъ караулъ и одинъ въ стоявшихъ на часахъ, Иванъ Шимолинъ, предупредилъ его о приближеніи Коммисара. При этой повѣздкѣ, Калининъ слышалъ, что Каменщиковъ много страшнаго про себя распространяетъ, и собираетъ для себя по 6 к. съ души, а для нахопившагося при немъ крестьянина Семена Косенки по 3 коп. Начальство, встревоженное угрожающею опасностью, послало людей для поимки преступника. Каменщиковъ хваталъ ихъ и билъ плетью; мало того, въ Шадринскую Управительскую Канцелярію и къ Коммисару Окуневскаго Дистрикта Калининъ ояъ

посылалъ ордера, которые сочинялъ и писалъ ему Мерзляковъ.

Вліяніе его возрастало съ каждымъ днемъ, а число приверженцевъ увеличивалось. Тщетны оставались старанія мѣстнаго Начальства захватить мятежника. Указомъ Сената отъ 1-го Іюля 1765 года, объявленнымъ во всей губерніи, обѣщано было тому, кто поймаетъ и приведетъ Каменщикова, хотя бы и былъ главнымъ его сообщникомъ, награжденія 50 руб. и прощеніе вины. Между тѣмъ Судьянковъ, вѣроятно, предвидя худой конецъ своей посылки, вздумалъ страннымъ и дерзкимъ образомъ укрыться отъ преслѣдованій. Онъ объявилъ крестьянамъ, что намѣренъ ѣхать въ Петербургъ хлопотать за нихъ и требовалъ себя выборныхъ отъ міра, которые бы вѣстѣ съ нимъ подали тамъ челобитную. Крестьяне не замедлили склониться на его требованіе, а одинъ Священникъ села Охлушевскаго, по приказанію Каменщикова, приводилъ Масленскихъ и Борневскихъ крестьянъ въ числѣ 500 человекъ къ присягѣ, чтобы убѣдиться въ томъ, всѣ ли они согласны подать жалобу на обидчиковъ. Наконецъ выборными отъ міра явились отъ крестьянъ Масленскаго острога для принесенія жалобы на зводскихъ приказчиковъ Егоръ Прокофьевъ и Кирилъ Ширевъ, а отъ жителей Буткинской слободы по дѣлу о спорной землѣ ихъ съ Татарами Семенъ и Никита Телминовы. Съ ними и съ женою своею Василей Лукияновой Каменщиковъ отправился въ столицу. На пути,

Казанскаго уѣзда въ деревнѣ Починокъ, въ день Апостоловъ Петра и Павла, онъ стрѣлялъ изъ ружья, приказывалъ считать народъ при выходѣ людей изъ церкви, и взялъ съ собою случившагося въ этой деревнѣ двороваго челоѣка отставнаго Морскаго Капитана Аристова, Федора Андреева, обѣщая представить его Государынѣ за то, что онъ объявилъ ему, будто тамошніе помѣщики, въ томъ числѣ и Аристовъ, рѣшились убить его. По дорогѣ въ Петербургъ, Каменщиковъ бралъ себѣ подводы и проводниковъ, называясь то курьеромъ, то Вахмистромъ Бахметевымъ, то «Полковникомъ, а по выслугѣ Генераломъ»; такимъ образомъ онъ доѣхалъ до столицы, гдѣ сталъ на квартиру къ монастырскому писарю Ивану Сажину, который и сочинилъ Каменщикову челобитную въ 48 пунктахъ. Отъ Сажина онъ перешелъ въ домъ къ помѣщичьему бѣглому слугѣ, Алексѣю Васильеву. Но тутъ счастье измѣнилось Каменщикову. Одинъ изъ его слугъ, Никита Тельминовъ, прельстившись обѣщаннымъ награжденіемъ за поимку преступника, явился въ Главную Полицеймейстерскую Канцелярію и донесъ на него. Каменщиковъ былъ схваченъ съ остальными сообщниками своими. Сначала ихъ допрашивали въ Сенатѣ, потомъ въ Главной Полицеймейстерской Канцеляріи. Такъ какъ изъ допросовъ этихъ «о прямомъ его, Каменщикова, злоумышленномъ намѣреніи не открылось», то Сенатъ рѣшилъ отправить его съ товарищами въ Оренбургъ и приказать Оренбургской Губернской Канцеляріи дослѣдо-

вать дѣло на мѣстѣ преступленія, судить виновныхъ и рапортовать въ Сенатъ. Преступники прибыли въ Оренбургъ 8 Марта. По окончаніи слѣдствія, по которому ничего почти новаго не открылось, 18 Октября Губернская Канцелярія присудила Каменщикова и Мерзлякова къ наказанію кнутомъ, вырѣзанію ноздрей и къ отсылкѣ въ Сибирь на Нерчинскіе заводы въ тягчайшую работу вѣчно; а Семена Тельминова, Федора Андреева, Ивана Шимолина, Сергѣя Тельминова, у котораго Каменщиковъ ставалъ на квартирѣ, къ наказанію кнутомъ, Прокофьева же и Ширяева къ наказанію плетью.

О такихъ наказаніяхъ, совершенныхъ публично, вѣрно было Исетской Провинціальной Канцеляріи объявить всѣмъ подвѣдомственнымъ ей мѣстамъ. Но смотря на то, крестьяне, бунтовавшіе за одно съ Каменщиковымъ, не вѣрили еще въ наказанію, ни есмь его, и по словамъ многихъ изъ нихъ, онъ бывъ здравъ, незрѣлымъ и на свободѣ.

Конечно, мысль эта была нелѣпа и пуста, но надобно сознаться, что и въ ней таилось доказательство несчастнаго расположенія къ мятежникамъ. Вѣра въ неприкосновенность и безнаказанность бунтовщиковъ, а что еще хуже, желаніе видѣть въ нихъ мучениковъ, тѣснимыхъ за общій интересъ,—все это обѣщало мало хорошаго. Начальству нужно было усмирять умы; одного этого было уже достаточно, чтобы держать его постоянно въ хлопотахъ, а тутъ какъ бы нарочно стали возникать

ежеминутно новым дѣлом, которыхъ нельзя было ни отложить, ни оставить безъ вниманія; однимъ изъ такихъ дѣлъ была возникшая въ то время тяжба у Ордынцевъ съ Яцками Казаками и съ Калмыками.

Припомнимъ, что еще въ 1760 году Яцкіе Казаки и Калмыки за одно отогнали лошадей у Киргизовъ, которые не замедлили отплатить имъ тѣмъ же, а сверхъ того захватили въ плѣнъ нѣсколько Казаковъ. Цѣлныя, не смотря на всѣ требованія Начальства, не были возвращены; а большая часть захваченнаго Киргизскаго скота осталась въ рукахъ Калмыковъ и Казаковъ. Конечно, Ордынцы страдали за собственный свой грѣхъ, за неуцѣнное упрямство; но поводъ къ грабежу подали не они; они считали себя обиженными, и винили Начальство въ несправедливости, а Хана въ слабости и потворствѣ Русскимъ. Эти мятежныя мысли быстро развивались въ Ордѣ, а Казаки не переставали тѣснить Киргизъ, Калмыки же, пользуясь слабымъ присмотромъ владѣльцевъ, ссорившихся между собою, то и дѣло покушались на новыя воровства: около 1762 года, какъ говорилъ Нурали, они отогнали у Кайсаковъ до 10,000 лошадей, и возвратили изъ нихъ только 1200, и то худыхъ; въ томъ же году они захватили 155 лошадей, принадлежавшихъ самому Хану, и, не смотря на настоятельныя его просьбы, отдали только 51 лошадь. Что же оставалось дѣлать Киргизамъ? По ихъ характеру и обычаямъ, слѣдовало мстить врагамъ и платить зломъ за зло. Въ ихъ глазахъ самымъ

простымъ и дѣйствительнымъ средствомъ—было самоуправство. Падѣль на это, Ордынцы пустились воровать, крали скотъ по линіи у Казаковъ, и чтобы остаться безнаказанными, тотчасъ же удалялись въ глубь степи. Тщетно Ханъ, опасавшійся ответственности, покуда старался удерживать ихъ и принуждалъ къ возвращенію пограбленнаго. Кайсаки, въ главѣ которыхъ стояли непокорные Старшины, презирали его внушенія и продолжали дѣйствовать по прежнему. Этими они только вредили себѣ и навлекали еще большія бѣды. Яцкіе Казаки, храбрые и неутомимые въ наѣздахъ, вовсе не были расположены уступать въ чемъ либо Ордынцамъ. Пользуясь тѣмъ, что Нурали, съ приверженными ему племенами, кочевалъ зпюю по рѣкѣ Янгу, они ловили пастуховъ его, раздѣляли ихъ до-нага и отнимали лошадей и барановъ. Въ 1766 году, когда сынъ Хана, Пирали, шелъ разъ съ пастухами своими во время бурана, чтобы загнать обратно въ степь лошадей, которые паслись въ займищѣ по Янгу, Казаки начали на Султана и стали стрѣлять въ него (*). Подобнаго рода буйства

(*) За совершенную справедливость сказаннаго о дерзкихъ поступкахъ Казаковъ я не смѣю ручаться: я извлекъ рассказы объ нихъ изъ жалобы Нурали, поданной на Высочайшее Имѣ; можетъ быть онъ преувеличилъ, а можетъ быть и нѣтъ. Въ послѣдствіи было произведено розысканіе объ оныхъ, нанесенной Нурали; Казаки отпразднели, но это еще не составляетъ доказательства ихъ виновности.

вызывали Киргизовъ на новые грабежи, Угоны скота у Яицкихъ Казаковъ становились чаще; Ордынцы воровали и бѣжали въ степь вдаль отъ линіи. Тогда Казаки, за которыхъ стояло Начальство, выборное изъ среды ихъ же самихъ, писали въ Оренбургъ жалобы, не рѣдко преувеличивая число ограбленнаго скота. Губернаторъ, не въ силахъ будучи дознаться истины, предписывалъ Хану взыскать скотъ; Киргизы не соглашались; «если намъ не возвращаютъ ограбленныхъ у насъ лошадей, говорили они, то за чѣмъ же мы станемъ отдавать скотъ, который мы сами отогнали.» Вотъ каковъ былъ обыкновенный отвѣтъ ихъ на увѣщанія Нуралія. Губернаторъ, не видя конца безпорядкамъ, прибѣгалъ наконецъ къ мѣрамъ болѣе дѣйствительнымъ и разрѣшалъ баранту. Команды Яицкихъ Казаковъ выходили въ степь, бросались на улусы, иногда отгоняли цѣлые косяки лошадей, и возвращались домой съ богатою добычею. Къ несчастью случалось, что при этихъ свалкахъ, страдали невинные роды, которые спокойно располагались около линіи. Грабители, сознавая за собою проступки и предугадывая должное наказаніе, всегда заранѣе, еще до прихода команды, успѣвали откочевывать въ дальнія мѣста, гдѣ никакое законное преслѣдованіе не могло ихъ коснуться. Легко себѣ представить, каковы были послѣдствія такихъ трудныхъ обстоятельствъ. Киргизы изъ личныхъ выгодъ пристращались къ кражѣ. Воръ жилъ спокойнѣе и богаче, чѣмъ человѣкъ скромный и тихій; въ кругу собра-

ній его честили и уважали, какъ удалыца (Батыра); въ нихъ и въ буйныхъ Старшинахъ онъ находилъ себѣ защиту и вѣрную опору.

Плодомъ безначалія былъ упадокъ Ханской власти, въ самомъ существѣ своемъ не прочной и понесшей уже не мало ударовъ. Къ чему, думали про себя опрометчивые и своевольные Ордынцы, будемъ мы питать уваженіе къ человѣку, который не въ силахъ защитить не только насъ, но даже себя и сыновей своихъ отъ нападковъ Русскихъ, подвластныхъ тому же самому Правительству, которое признало и утвердило его Ханомъ. Кайсаки начинали уже презирать Нуралія, не слушались его, и говорили, будто онъ за одно съ Русскими согласился истребить ихъ; изъ дикаго невѣжества и свойственной имъ подозрительности они не могли объяснить себѣ иначе его дѣйствій, когда онъ, по приказанію Губернатора, взыскивалъ съ нихъ скотъ и т. п. Нуралі не разъ писалъ объ этомъ въ Оренбургъ, но тамшнее Начальство продолжительнымъ опытомъ приведено было къ недовѣрчивости и видя, съ какою медленностью исполняются въ степи требованія Правительства, подозрѣвало Нуралія въ лютворствѣ виновнымъ, въ нерадѣніи и слабости, а потому вмѣсто просимаго пособія, Ханъ получалъ упреки и выговоры. Тѣснымъ со всѣхъ сторонъ, съ прискорбіемъ сознавалъ онъ свое грустное положеніе и въ будущемъ предвидѣлъ одну горькую участь.

В настоящую минуту ему было необходимо какое либо средство, чтобы выйти из столь тягостнаго состоянія. Въ молодости своей, возведенный послѣ Абуль-Хайра въ Ханы, онъ, какъ мы видѣли, мечталъ о многомъ и считалъ возможнымъ служить вмѣстѣ и Царю Русскому, и прихотямъ подданныхъ своихъ Кайсаковъ; общая безъ исполненія одному, льстя и потворствуя другимъ, онъ мыслилъ о завоеваніи Хивы, думалъ смирить Старшинъ, соединить Киргизовъ подъ своею властью въ одно дѣло, а быть можетъ со временемъ отложиться отъ Русскихъ и основать независимое Государство. Но на его бѣду въ этомъ дѣлѣ съ перваго шагу встрѣтились непреодолимныя препятствія. Бѣи, стоявшіе въ главѣ родовъ, не хотѣли отказаться отъ своихъ личныхъ выгодъ; явился сильный соперникъ Батырь, принимавшій подъ свою защиту и враговъ Хана, и всѣхъ недовольныхъ имъ. Хива и владѣтель ея Каипъ смѣялись надъ угрозами Нуралія. Власть Хана, вмѣсто того, чтобы возрастать, зашѣтно ослабѣвала вслѣдствіе внутреннихъ несогласій въ самой Ордѣ. Тщетно старался онъ поддержать ее. Пограничное Начальство, встревоженное первыми попытками, не довѣряло его словамъ, и если принимало средства, имъ предлагаемыя, то какъ бы не хотя и обращало ихъ во вредъ ему; такимъ образомъ баранта, о которой такъ усердно просилъ Ханъ, послужила только ему во зло и навлекла на него презрѣніе Кайсаковъ. Поздно уже было Нуралію думать о томъ, чтобы возвратить себѣ любовь народа;

когда онъ прежде не былъ въ силахъ удержать ее, то могли надѣяться теперь, не имѣя ни средствъ, ни досуга, снова снискать ее. Вплотн созная эту истину, онъ не замедлялъ прибѣгнуть къ послѣднему средству, отъ котораго могъ еще ждать нѣкотораго успѣха. Нураліи рѣшился на время бросить всѣ свои честолюбивыя замыслы, оставить Киргизовъ на произволъ судьбы и Русскихъ, и думать только о себѣ, и о томъ, какъ бы удержать въ своемъ семействѣ Ханское достоинство.

Съ этою двоякою цѣлію онъ вознамѣрился отправить посланцевъ къ Императрицѣ, объяснить Ей положеніе свое и просить Ея Высочаго покровительства. Хану было не трудно привести эту мысль въ исполненіе. Еще указомъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ отъ 18 Апрѣля 1756 г. разрѣшено ему было отправлять ко Двору каждые два или три года кого либо изъ дѣтей своихъ, или братьевъ, или же изъ родственныхъ ему Султановъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ Старшинъ. На этомъ основаніи, въ Февралѣ 1762 года, ѣздилъ въ Петербургъ зять Нуралія Джаибекъ-Султанъ съ 5 Старшинами, съ Писаремъ Хана, и съ тремя его Теленгутами. Съ тѣхъ поръ въ продолженіе 5-ти лѣтъ Ханъ своими посольствами не утруждалъ Государыни. Слѣдовательно теперь онъ могъ надѣяться на милостивое согласіе Ея къ приему довѣренныхъ отъ Орды. Кстати въ то же время вышелъ срокъ сыну его Аблай-Султану, находившемуся въ аманатахъ.

Нурали воспользовался этим удобным случаем и, отправив в Оренбург на сына Аблая другого сына своего, Артукали Султана (12 лет), вместе с тем послал еще сына же своего Бикали Султана, Старшину Акмузгу и 6 служителей. Лица эти должны были явиться к Генерал-Майору Ланову (управлявшему тогда губернию за отсутствием Путятина) и ждать от него дозволения ехать в Петербург, чтобы там лично представить Императрице письменную просьбу Хана.

Просьба эта начиналась с жалобы на Калмыков и на Яицких Казаков. Хань, обнаруживая всю злобу на них своего народа, уличал их в грабежах и ябедах, тут же винил и местное Начальство в излишнем доверии к их лживым словам и в притеснениях ему и Ордынцам (*). После многих и долгих

(*) Взыскание с Киргизов и баранта—были две вещи, на которые особенно жаловался Хань. За тем следовало несколько других жалоб. Нурали утверждал, будто бы Начальство, в противность Высочайшему указу, не правильно поступало с Киргизскими пѣвниками, выбравшими на ливню. «Тѣх изъ нихъ, говорилъ онъ, которые даже не желаютъ креститься, оно держитъ у себя. Приметь-ли кто Христіанство, то и тутъ дѣлается намъ притѣсненіе вещи, лошади или верблюды, съ которыми онъ бѣжалъ изъ Орды, намъ не возвращаются. Только на мои запросы объ этомъ пишется мнѣ каждый разъ, что они отданы въ уплату Графскимъ людямъ (т. е. крестьянамъ Графа Шереметева, Пономареву и другимъ) за снотъ, ограбленный у нихъ Джагазбайшицами. Правда, Джагазбайшицы виноваты и слѣдуетъ съ нихъ

объясненій, онъ приходилъ къ тому выводу, что Киргизы, тревожимые частыми обидами, ежеминутно покушаются на воровства, которыхъ ему прекратить не возможно; что, видя его слабость, Русскіе пренебрегаютъ имъ, а Киргизы перестаютъ ему повиноваться; что въ будущемъ тѣсными Кайсакамъ не предстоитъ ничего, кромѣ слезъ, а ему самому, кромѣ окончательной потери власти надъ подданнымъ ему народомъ. «Если, продолжалъ Нурали, Киргизы заслужили гнѣвъ Вашего Величества, то пусть дадутъ мнѣ средства и силы ихъ искоренить; если же напротивъ Вы считаете ихъ нужными слугами, то не благоугодно ли будетъ назначить отъ Сябя, кромѣ Оренбургскаго Губернатора, благонадежнаго человѣка, который бы пріѣхалъ на мѣсто разобрать ссоры между Ордынцами и линейными жителями.» Хань вызывался сопутствовать этому чиновнику при всѣхъ проездахъ его по крѣпостямъ ливни.

«зыскавъ; за чѣмъ же терпятъ Киргизы всѣхъ родовъ. Къ тому же за чѣмъ намъ не дается знать, сколько лошадей, верблюдовъ и вещей принято по цѣнѣ; ни наши люди не призываются къ оцѣнкѣ.» Другая жалоба Хана на Начальство состояла въ слѣдующемъ: по Высочайшему указу, какъ говорилъ онъ, издавна отпускалось ему ежегодно хлѣбное жалованье, иногда 100 четвертей, а иногда и болѣе, мѣра, впрочемъ, которая всегда оказывалась, по его словамъ, не достаточною на всю зиму. «Теперь уже, писалъ Нурали, прошло три года, какъ я во все не получалъ этого жалованья. Недавно послалъ я къ Губернатору и просилъ его выслать хлѣба, тотъ же отвѣчалъ мнѣ, что за случившимся урожаемъ можетъ отпустить только 40 четвертей.»

Ясно, къ чему клонялся при такой просьбѣ мысли Нуралія. Конечно, онъ не столько заботился о благосостояніи народа, сколько о своей собственной пользѣ. Долголѣтній опытъ указалъ, какъ мало могъ онъ ждать для себя выгоды отъ присутствія мѣстнаго Начальства. Имѣя особые виды, оно не заботилось поддержать его въ степи; къ тому же, зная его по прежнимъ дѣйствіямъ, оно не всегда уважало его представленія. Новый человекъ, въ особенности такой, каковаго желалъ Ханъ—близкій къ Государынѣ, могъ дать дѣламъ противный оборотъ. Присланный какъ бы для повѣрки распоряженій Оренбургскихъ Начальниковъ, чиновникъ этотъ можетъ быть сталъ бы смотрѣть на нихъ съ недоверіемъ. Пользуясь этимъ и его неопытностью въ дѣлѣ, для него совершенно новомъ, Ханъ надѣялся склонить его на свою сторону, внушить ему свои мысли и передать ихъ чрезъ его посредство Государынѣ. Такимъ образомъ пріѣздъ чиновника долженъ былъ служить только орудіемъ къ лучшему и скорѣйшему исполненію плановъ Нуралія, исключительно клонившихся въ его личную пользу. Покажемъ теперь, въ чемъ состояли эти планы. Въ той же просьбѣ своей на Высочайшее Имя, гдѣ онъ жаловался на Калмыковъ и на Яицкихъ Казаковъ, онъ упоминалъ и объ нихъ въ нѣсколькихъ словахъ. Указомъ Ея Величества велѣно было построить для него крѣпость при устьѣ рѣки Эмбы. Безпокойства среди Киргизовъ воспрепятствовали этому, и Нуралія еще 11 Января 1767 года

ходатайствовалъ у Канцлера Князя Голицына о дозволеніи построить крѣпость въ степи, ближе къ границѣ по Яику, на томъ мѣстѣ, которое онъ избереть самъ. Въ настоящую минуту Ханъ возобновилъ свое представленіе; желаніе его какъ будто согласовалось съ предначертаніями Правительства: еще прежде оно предлагало основать при линіи городокъ и кладбище. Въ сущности же, въ мысляхъ Хана таилась особая цѣль. Часть Кайсаковъ была ему не покорна; онъ не совѣмъ надѣялся и на тѣхъ, которые оставались при немъ и показывали видъ преданности. При устьѣ Эмбы, гдѣ стояли менѣе всѣхъ надежные роды, онъ едвалибъ удержался одинъ, среди не доброжелателей, расположенныхъ смотрѣть съ негодованіемъ на всякую постройку въ степи. Совершенно иначе представлялась ему крѣпость вблизи самой линіи; онъ былъ въ состояніи при случаѣ опереться на защиту Русскихъ. Недовольные Киргизы не посмѣли бы тутъ тревожить его; скорѣе онъ могъ казаться имъ страшнымъ и, дѣйствуя на нихъ силою, возратить себѣ утраченную власть. Какъ видно, такъ понималъ дѣло и Нуралія, когда онъ къ просьбѣ о построении крѣпости около границы, присовокуплялъ требованіе, чтобъ ему данъ былъ полкъ, который бы всегда находился въ его распоряженіи. При помощи его и крѣпости онъ ручался установить порядокъ въ Орлѣ; когда же Киргизы успокоятся, говорилъ онъ, тогда можно будетъ построить укрѣпленіе и на устьѣ рѣки Эмбы.

Все эти предположения касались одного Хана и должны были служить только къ упроченію его личнаго вліянія въ степи, но ни одно изъ нихъ не обезпечивало судьбы его семейства, и не утверждало за дѣтми его неотъемлемаго права управлять Ордою. При принятіи Абуль-Хайра въ подданство Россіи, Правительство дало слово присовѣтъ Ханство исключительно его потомкамъ. Нуралію это обѣщаніе казалось не достаточнымъ. Подъ именемъ потомковъ понимались всѣ лица, которыя происходили отъ его покойнаго родителя; древній обычай выбора Хановъ не былъ отмѣненъ, и народъ по смерти его могъ поставить въ главѣ управленія любого изъ нихъ. Такая очевидная шаткость наслѣдія возбуждала въ Нураліѣ негодованіе; онъ не былъ въ силахъ довольствоваться тою мыслию, что со временемъ мѣсто его займутъ кто либо изъ родственниковъ. Честолюбіе требовало большаго: у него были дѣти, онъ дорожилъ ихъ благомъ и въ упроченіи ихъ власти видѣлъ какъ бы продолженіе своей собственной. Во что бы ни стало, онъ хотѣлъ передать свое достоинство въ ихъ руки, и въ душѣ терзался, думая о препятствіяхъ и преградахъ, которыя бы окружили ихъ по его смерти; въ Ханскомъ родѣ онъ насчитывалъ множество соперниковъ, среди коихъ были и опасные. Ираіи и Айчувакъ пользовались нѣкоторымъ довѣріемъ Ордынцевъ, въ особенности же тѣхъ родовъ, которыми они правили. Они слушали Нуралія, какъ старшаго брата, котораго въ добавокъ самъ отецъ, умирая, назначилъ въ

наслѣдники. Но къ дѣтямъ его они не были привязаны ни какими узами. Могли-ли они уважать мальчиковъ, выросшихъ у нихъ предъ глазами, и еще не отличившихся никакимъ подвигомъ? Къ тому же, какъ старшіе въ родѣ (*), захотѣли-ли бы они признать себя слугами племянниковъ? Эти два обстоятельства сильно говорили противъ нихъ. На выборахъ перевѣсъ легко бы остался на ихъ сторонѣ. Киргизовъ стоило только не много двинуть, и они съ радостью подали бы голосъ въ пользу сыновей Абуль-Хайра, которыхъ они съ дѣтства привыкли считать старшими между собой. Правительство быть можетъ не стало бы противиться такой учтивости народа. Оно цѣнило умъ Айчувака и Ираіи и вліяніе ихъ на Ордынцевъ, а что всего важнѣе, переписываясь и перемоваривая съ ними уже съ давнихъ поръ, знало ихъ характеръ, понимало, чего можно было ждать и какъ съ ними уже обращаться; между тѣмъ дѣти Хана ему были рѣшительно не извѣстны. Такъ рассуждалъ Ханъ и мысли эти тревожили его; что бы успокоиться и добиться своей цѣли, онъ сталъ искать средства и остановился на томъ, которое казалось ему самымъ вѣрнымъ и дѣйствительнымъ: онъ задумалъ отстранить ненавист-

(*) Киргизы въ понятіяхъ своихъ о старшинствѣ сохранили нѣчто патріархальное: у нихъ дядя садится выше племянника; онъ *ага* (старшій), а зтогъ остается ими (младшій).

ный для него обычай выбора, и побудить Правительство какимъ либо поступкомъ явно, въ глазахъ цѣлаго народа, утвердить на дѣлѣ право наслѣдія въ его линіи. Съ этою цѣлію Нураліи просилъ Государыню назначить еще при жизни его Намѣстникомъ Ханства одного изъ дѣтей его: Исалия, или Пиралія. Онъ самъ не переставалъ бы властвовать въ Ордѣ, а сынъ, назначенный въ будущіе Ханы, привыкалъ бы, подъ его надзоромъ, управлять Киргизами. Излагая такого рода предложеніе, Нураліи, что бы еще болѣе придать ему вѣса, ссылался на примѣръ Казыцкаго Хана Дондукъ-Дашіи, неспросившаго намѣстническаго достоинства сыну своему Убашію, который и наслѣдовалъ ему спокойно и тихо.

Когда съ просьбою Хана на Высочайшее Имя прибылъ въ Оренбургъ Бикали съ своими спутниками, то Лановъ, не находя ни какого препятствія къ поѣздкѣ ихъ ко Двору, снарядилъ ихъ по прежнимъ примѣрамъ одеждою, и въ сопровожденіи Урядника Авдѣева отправилъ въ столицу (31 Октября 1767). Вместе съ ними поѣхало двое людей отъ Ирали Султана, который желалъ видѣть при Дворѣ и своихъ посланцевъ. Въ донесеніи своемъ Государынь Ирали ссылался во всемъ на просьбу брата, присовокупляя только, что онъ, по приказанію Хана, вместе съ сыновьями его Исалиемъ и Пираліемъ и братомъ своимъ Айчувакомъ, идетъ съ войскомъ противъ Хивы, что бы обезопасить торговый путь въ Оренбургъ.